

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНОВ ИСКАЖЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА: ПРОБЛЕМЫ ЗАВИСИМОСТИ ОТ АВТОРИТЕТА И ИСКАЖЕНИЙ ОБРАЗА БОГА

М.С. ФИЛОНИК*,
ФГАУ «ФИРО», Москва, Россия,
fpc_grant@mail.ru

В статье представлено продолжение начатой ранее работы, посвященной проблеме искажений религиозного опыта, с которыми встречается психотерапевт в практике работы с верующими клиентами. Рассматривается феномен подмены, понимаемый как такое искажение религиозного опыта, которое самим человеком осмысливается как нормативное, духовно здоровое проявление. Разбирается проблема созависимости в контексте религиозной жизни верующего, а также проблема искажений образа Бога. Анализируются проявления и негативные последствия данных проблем для духовной жизни христианина. Обозначаются основные причины рассматриваемых явлений, даются рекомендации по терапевтической работе с указанными проблемами. В заключении приводятся некоторые выводы по подготовке христианских психологов, работающих с верующими клиентами.

Ключевые слова: искажения религиозного опыта, феномен подмены, психотерапия верующих, христианский психолог, созависимость, искажения образа Бога.

Для цитаты:

Филоник М.С. Психологический анализ феноменов искажений религиозного опыта: проблемы зависимости от авторитета и искажений образа Бога // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 5. С. 115—134. doi:10.17759/cpp2016240507

* Филоник Марина Сергеевна, научный сотрудник ФГАУ «ФИРО», психотерапевт и преподаватель Российской ассоциации Понимающей Психотерапии, Москва, Россия, e-mail: fpc_grant@mail.ru

В контексте активно развивающейся сегодня практики психологической помощи верующим клиентам актуальной остается задача осмысления различных аспектов и специфики такой практики. Все чаще в житейском и даже околонучном дискурсе можно встретить словосочетания «христианская психология», «православный психолог», «православная психотерапия» и т.п. Однако говорить о православной и даже христианской психотерапии как самостоятельной терапевтической школе с построенным теоретико-методологическим и методическим аппаратом на сегодня рано. Также сама постановка задачи создания такой школы либо реконструирования ее из уже имеющихся практик представляется достаточно дискуссионной и требующей своего обоснования. Некоторые шаги по осмыслению разнородного поля теорий и практик, а также мифов и ожиданий в данной области были проведены, в частности, в работе Ф.Е. Василюка [Василюк 2015].

Можно по-разному относиться к проблеме так называемой христианской психотерапии как самостоятельной практики, имеющей или не имеющей свою специфику, теорию и методы. Однако более уверенно можно говорить о некоторых особенностях клиентской проблематики в случаях работы с верующими клиентами. Религиозное самосознание (представленность в жизненном мире клиента фигуры Бога, в частности христианского Бога), опыт духовной (или ложно понимаемой как духовной) жизни, опыт социальной жизни в церкви с ее особенностями как социального института — все это наносит свой отпечаток на верующего (и, соответственно, на его психологические проблемы) и, в свою очередь, тем или иным образом проявляется в терапии, если такой человек обращается к специалисту.

Психотерапевтическая практика априори предполагает работу с проблемой [Василюк 2009]. Структура терапевтической ситуации может меняться в случае, когда верующими оказываются и терапевт, и клиент [Дроздов 2015]. Также сами проблемы могут иметь свою специфику в ряде случаев, когда клиент религиозен. Часть этой специфики связана с феноменами искажений религиозного опыта. Особенная трудность в терапии возникает тогда, когда некоторые такие искажения клиент осмысляет как норму, как духовно верные, здоровые проявления, как признаки духовного развития и т.п. В проведенной ранее работе такие искажения получили общее название — феномен подмены [Филоник 2015]. О подмене можно говорить тогда, когда имеет место убежденность в истинности своих представлений (как правило, тотальная, подкрепленная авторитетами, без возможности посмотреть иначе). Например, когда обидчивый человек искренне убежден, что он никогда не обижается, потому что это грех, а благочестивая бабушка в храме «рычит» на каждого, неправильно входящего, и свято верит,

что так она служит Богу. Или когда заниженная самооценка перензывается смирением, а созависимость — послушанием. Во всех этих случаях можно говорить о феномене подмены, критерием выделения этого феномена является убежденность человека в истинности своих искаженных религиозных представлений, если эта убежденность непоколебима.

Анализ психологической природы типичных феноменов подмен, а также их влияния на религиозную жизнь верующего

В данной статье представлено продолжение работы по анализу феноменов искажений религиозного опыта, с которыми сталкивается психотерапевт в практике помощи верующим клиентам. На материале анализа такой практики в предыдущей статье было введено рабочее понятие «феномен подмены», а также выделены четыре наиболее часто встречающиеся психологические проблемы, которые могут приводить к феномену подмены [Филоник 2015]. Перечислим их еще раз:

- трудность осознания своих чувств;
- дефицит ценности себя;
- зависимость от авторитета;
- искажения образа Бога.

Алекситимичность и дефицит самооценности были проанализированы в предыдущей работе. Данная статья посвящена проблемам зависимости от авторитета и проблемам искажения образа Бога. Сохраняя прежнюю логику анализа, будут рассмотрены проявления этих проблем, а также негативные последствия данных проблем для духовной жизни христианина, их психологические причины и принципы психотерапевтической работы с ними.

1. Зависимость от авторитета (созависимость как добродетель)

А. Как проявляется

Проблема эмоциональной зависимости, созависимости — достаточно часто встречающаяся проблема в психотерапевтической практике. Созависимость широко распространена в нашей культуре, однако можно сказать, что чем более сильно она выражена у конкретного человека, тем, в некотором смысле, ему может быть сложнее осознать наличие данной проблемы и, соответственно, обратиться за помощью. Поэтому можно говорить о том, что бо́льшая часть созависимых клиентов просто не доходят до специалистов.

Для созависимого человека характерны:

- 1) сильная степень выраженности психологических защит (вытеснение, отрицание и др.);
- 2) трудность осознания своих потребностей, желаний и чувств (алекситимичность), причем это может сочетаться с высокой чувствительностью к эмоциям и потребностям другого (в первую очередь, партнера по созависимым отношениям);
- 3) дефицит самооценности, часто заниженная самооценка;
- 4) плохая сформированность психологических границ личности;
- 5) связанные с п. 1—4 игнорирование себя, своих потребностей и сосредоточенность на других в сочетании с желанием контролировать и навязчиво помогать;
- 6) связанный с дефицитом самооценности страх доверия себе — отчасти именно поэтому так важен другой, чьими желаниями и потребностями можно жить в отсутствие собственной позиции;
- 7) компульсивные действия.

Перечень феноменов созависимости может быть продолжен, однако уже сейчас можно заметить, что, если такие клиенты приходят в терапию, работа, как правило, движется медленно и тяжело. Риск выстраивания созависимых отношений с терапевтом — лишь небольшая часть трудностей работы с такими клиентами. Неслучайно один из самых эффективных методов работы с аддикциями, известный под названием 12-шаговых программ, предполагает регулярную работу, длящуюся годы.

В. Специфика проявления у верующих

В случаях, когда созависимый человек оказывается верующим, можно встретить с выраженным феноменом подмены, когда происходит переназывание невротических симптомов терминами из религиозного дискурса, как правило из святоотеческой литературы, а иногда из Писания, что делает осознание ряда проблем, в том числе духовных, почти невозможным. Иными словами, речь здесь идет об искажениях религиозного опыта, имеющих в данном случае психологическую природу. Перечислим типичные такие подмены.

Жертвенность и спасательство как симптомы созависимости, понимаемые как христианская добродетель жертвенной любви к ближним. Дефицит самооценности и слышания себя может вынуждать человека непрестанно заботиться о других людях, делать добрые дела, активно участвовать в социальных служениях и т.п. Проблемы с границами делают эту заботу навязчивой и контролирующей. В церкви такой человек может быть активным членом приходской или какой-либо иной общины, который всем помогает, отдается нуждам других без остатка и выглядит действительно как настоящий подвижник, который не думает о себе

(«умервщляет себя», «подражает святым» и т.п.). Нередко такое поведение поощряется не только неверным прочтением авторитетных текстов, но и членами и авторитетами самой общины.

Проблема созависимого жертвенного поведения связана, прежде всего, с тем, что здесь практически нет места добровольности как свободного волевого выбора что-то отдать в пользу другого. Невротическая мотивация «жертвенности» с ее психологическими выгодами может иметь власть над личностью, и тогда человек просто не может поступать по-другому. Но не потому, что он полон любви и сострадания, и не потому, что, как недавно канонизированная мать Тереза Калькуттская, видит в каждом страдающем человеке страждущего Христа, произносящего с Креста обессиленное «Жажду!». Созависимый не может не «спасать», иначе он окажется в невыносимом мраке из страхов, мощного чувства вины, ощущения своей плохости и отсутствия права на жизнь, неоправданной агрессии, беспомощности и т.п.

Созависимая позиция «жертвы», понимаемая как добродетель смирения, терпения, несения своего креста. Вместо здоровой заботы о себе имеют место убеждения, что любить себя — грех, что жизнь — это страдание и надо нести свой крест, а свои нужды игнорировать, потому что это проявление самости, эгоизма. Инфантильная невозможность взять на себя ответственность за ту меру страдания, на которую можно повлиять, в сочетании с необходимостью оправдать свое бездействие. Скрытые ожидания, что кто-то должен решить проблемы либо мир должен сам измениться, подкрепленные цитатами и поговорками о необходимости нести свой крест («Бог терпел и нам велел», «мир во зле лежит», «зачем что-либо делать, ведь все послано Богом» и т.п.). Часто сочетается с обидой на Бога, неосознаваемой претензией к миру.

Позиция жертвы с ее выгодами описана многими авторами, в том числе занимающимися проблемой созависимости. В частности, известна модель «Треугольник Карпмана», состоящая из трех ролей: «спасателя», «преследователя» и «жертвы», на этих ролях во многом основаны созависимые отношения. В некотором смысле у «жертвы», как и у «спасателя», нет подлинно свободного выбора такой позиции, в частности, нет добровольного согласия на крест, но не «нести» этот крест человек не может, так как не может предпринять усилия по изменению ситуации. Религиозные концепты помогают снизить степень когнитивного диссонанса, однако, как и все рассматриваемые подмены, эти концепты не снимают внутренний конфликт и не способствуют личностному развитию.

Зависимые отношения с авторитетом (как правило, духовником), понимаемые как добродетель послушания. Дефицит субъектности, осознанности, самооценности, когда человек не слышит себя, не знает, что он чувствует или хочет, не доверяет себе, боится брать на себя ответственность,

хочет быть хорошим и остро нуждается в поощрении авторитета; когда происходит, по сути, отказ от личностного бытия в сочетании с невозможностью принимать самостоятельные решения — все это приводит к необходимости быть в зависимых отношениях. Необходим тот, чьи желания можно распознавать и им следовать, тот, на чью оценку и эмоциональную реакцию можно опираться, тот, кто скажет конкретно, что и как нужно делать, а потом одобрит за исполнение. В пределе — тот, кто будет за меня решать, как мне жить. Тогда снимается необходимость осознавать свои дефицитарности, проживать трудности встречи с собой настоящим и идти через страхи к изменениям, болезненно взрослеть. Религиозное пространство предлагает крайне удобный для этого культурный эталон — модель отношений духовника и послушника, духовного чада. Церковное предание богато примерами таких отношений. Традиция послушания жива и часто встречается сегодня в практике церковной жизни, далеко не только в монастырской среде. Блаженное желание отдать свою «волю» в руки духоносного старца или просто симпатичного священника нетрудно реализовать, потому что и со стороны пастырей велик соблазн «вязать и решать», о чем будет сказано ниже. В созависимых отношениях участвуют оба субъекта, такие отношения комплиментарны.

Говоря о послушании как подмене, важно подчеркнуть, что, прежде чем что-то отдавать, нужно это иметь. Подлинное послушание предполагает лично зрелые отношения взрослых людей, основанные в первую очередь на любви, отношения, в которых пасомый добровольно отдает свою свободную волю в руки духовника, не теряя при этом личных отношений с Богом. И конечно, это будут психологически здоровые отношения, основанные в том числе на уважении и свободе, призванные личностью возвращать, а не подавлять.

Потребности быть в зависимости от авторитета в церковной среде сегодня в пределе комплиментарен феномен *младостарчества*. В связи с широким распространением проблемы злоупотребления властью пастырями уже в 1998 г. Святейший Синод РПЦ МП вынес специальное постановление о младостарчестве, призванное урегулировать отношения духовников и пасомых. Трудно сказать, насколько ситуация изменилась с того времени. Однако появляется все больше публикаций, в том числе в популярных православных изданиях, посвященных проблеме созависимости, а также другим подменам в пастырских отношениях (см., например: [Мешеринов 2006]).

В психотерапевтической и консультативной практике мы продолжаем встречаться с клиентами, ставшими своего рода жертвами таких «духоносных старцев» и сложившихся вокруг них «общин» и нуждающимися, по сути, в психологической реабилитации, по аналогии с пострадавшими от тоталитарных сект. Как правило, такие клиенты страдают от

различных религиозно-окрашенных страхов, связанных с искажениями образа Бога, навязанными общиной, в которой они длительное время пребывали в крайне нездоровых отношениях с духовником. Страх наказания, гибели, непослушания воле Божией, о которой говорил «старец», и последующих за этим мучительных страданий, в том числе уже здесь, на Земле, — лишь малый перечень типичных переживаний таких людей, нередко граничащих с клиническими симптомами того или иного психического расстройства. К сожалению, до сих пор живы, в том числе среди священства и общин, страхи ИНН, паспортов, конца света, врагов-инославных, запреты лечиться у врачей или выходить замуж по своему желанию и прочие болезненные проявления, которые особенно горько наблюдать в церкви. Повторимся, что проблема созависимости и страхов не специфична для той или иной религии, однако формы воплощения психологических проблем зависят от культурного контекста (в данном случае псевдохристианского дискурса).

Страх нарушить правило без понимания его сущности (законничество) можно выделить в отдельное проявление искажений религиозного опыта, связанное в том числе с созависимостью. Типична, в частности, компульсивность созависимых как верность в исполнении правил. Трудность отделить главное от второстепенного, букву от духа. Ведущим мотивом многих поступков и действий становится страх наказания и осуждения, что приводит опять же к часто бессознательному отказу от свободного выбора. Грех понимается исключительно как нарушение правила, фигура Бога — чаще всего как карающая инстанция. Правила выполняются во многом для того, чтобы снизить тревогу и невротическое чувство вины и хотя бы немного восполнить дефицит самооценности. Личные отношения с Богом блокируются ложными представлениями о себе и о Нем (либо: я ужасен, Богу нет до меня дела, я недостаточно хорош, чтобы обращаться к Богу, и т.п.; либо, наоборот: фарисейская убежденность в собственной праведности в сочетании с осуждением всех, кто правила исправно не исполняет).

Возможны и другие варианты подмен, суть которых та же: психологически нездоровый симптом понимается как духовно здоровое явление, в пределе — как добродетель, что делает работу с таким симптомом практически невозможной. В частности потому, что такое ложное понимание подкрепляется непоколебимыми авторитетами (мнением духовника, словами Святых Отцов или Писания). Человек оказывается в замкнутом круге: чтобы начать решать проблему, нужно сперва ее признать; чтобы начать выходить из зависимости, нужно увидеть, что это — зависимость; чтобы начать взрослеть, нужно увидеть свою инфантильность. Но именно зависимость и инфантильность не дают увидеть проблему, посмотреть на ситуацию иначе, заставляют человека быть ригидным и

оставаться в нездоровых отношениях. Страх изменений побеждает потенциальную субъектность.

Подмены, выросшие на почве созависимости, объединяет проблема дефицита субъектности, личности, отказа (часто несознательного) от свободы и ответственности.

С. Проблема (негативные последствия) для духовной жизни

Одна из самых серьезных проблем, лежащих в том числе в духовной плоскости, касается *подмены авторитета*. Для созависимого человека (хотя не только для него) реально действующим самым значимым авторитетом является не Бог. Это может быть правило, традиция, священник и т.п. Власть чувств тревоги, страха, вины, стыда оставляет человека центрированным на себе и затрудняют переключение на центрацию на Другом, в том числе на Боге. И хотя созависимый мало осознает себя и, казалось бы, постоянно центрирован на объекте зависимых отношений, это не центрация на другом как на самоценной личности, это центрация на его реакциях, эмоциях, желаниях как средствах, заполняющих собственную пустоту и компенсирующих собственные дефицитарности. Другой выступает как средство, обеспечивающее мою душевную жизнь, но не как самоценная личность — в отношениях, в которых я сам самоценной личностью не являюсь. По сути, это нередко объект-объектные отношения в противоположность субъект-субъектным. Однако в них есть авторитеты, и серьезная проблема связана с тем, что этот *авторитет — не Бог*. Нужен путь личностного взросления, освобождения, в том числе от ложных авторитетов, поворота взгляда в сторону Бога, чтобы постепенно Он мог занять авторитетную позицию в жизненном мире человека (стать Отцом, Царем, Другом, к чему призывает Евангелие).

Очевидная проблема созависимости, лежащая как в психологическом, так и в духовном измерении, связана с *личностной несвободой*. Любая аддикция нарушает свободу. Чем сильнее выражена та или иная зависимость, тем на большее число сфер жизни она влияет, оставляя все меньше пространства для свободных выборов. Созависимость имеет достаточно широкое влияние и может отражаться практически на всех сферах жизни человека, на всех значимых жизненных отношениях, а также на отношениях с людьми вне зависимости от степени их близости. Хотя, конечно, наиболее ярко симптомы созависимости проявляются в самых близких, эмоционально значимых отношениях. Можно говорить о серьезной подмене, когда речь идет об отказе от своей онтологической свободы еще до ее обретения в сочетании с убежденностью в истинности такого «отказа». Как говорилось выше, в церковной среде зависимость может переименовываться послушанием, что, в свою очередь, «цементиру-

ет» проблему, создавая феномен подмены. Чтобы отдать свою волю духовнику, вступая в отношения послушания, нужно изначально иметь эту свободную волю, чтобы было что отдавать. В случае созависимости часть подмены связана с тем, что не происходит свободного отказа от своей воли, так как человек просто не может не «слушаться», так как не может пока еще принять свободные решения самостоятельно в силу определенной инфантильности, незрелости. И тогда, в частности, позиция авторитета (будь то мнение священника или узко понимаемая традиция или система правил) становится важнее евангельского духа или порой просто здравого смысла.

К негативным последствиям созависимости для духовной жизни можно также отнести *жертвенность и спасательство*, движимые невротической мотивацией, описанной выше, а не любовью, к чему призывает Евангелие. «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9:13).

Д. Причины

Традиционно причины созависимости связывают с детством в дисфункциональной семье. При этом не обязательно, чтобы семья была асоциальной, чтобы в ней был человек с химической зависимостью или практиковалось насилие. Запрет или неодобрение прямого выражения чувств, призыв игнорировать свои потребности и удовлетворять потребности других, убежденность в отсутствии проблем в семье в сочетании с рядом табуированных тем в отношениях между членами семьи — все это лишь часть неосознаваемых, как правило, черт дисфункциональной семьи, ведущих к формированию созависимого поведения. В христианской семье данные проявления могут подкрепляться искаженно понимаемыми нравственными ориентирами и цитатами из авторитетных источников (Писания и Предания): ценностями жертвенности, терпения и заботы о других, борьбы со страстями и эгоизмом и т.п. Также важными психологическими причинами обсуждаемых проблем являются страх своей позиции (либо любой, либо только не согласной с авторитетом) и недоверие себе. В целом проблема созависимости — это во многом проблема инфантильности, дефицита субъектности, личностности и свободы, а также часто низкого уровня рефлексии и осознанности (при этом уровень интеллектуального развития и эрудиции может быть достаточно высоким).

Е. Что делать в терапии

Существует множество методов работы с зависимыми и созависимыми клиентами. Особую продуктивность показывают 12-шаговые программы, которые сегодня все чаще используются в практике психологической работы, в том числе при храмах и монастырях. Однако многие

созависимые либо таковыми себя не считают и за помощью не обращаются, либо приходят на одну-две консультации и не готовы к глубокой терапевтической работе. Одновременно возможны попытки со стороны клиента втягивания терапевта в созависимые отношения, которые, в свою очередь, могут длиться долго. Поэтому продуктивной может стать работа над терапевтическими отношениями, которые здесь и сейчас будут осознаваться и преобразовываться, что само по себе оказывается очень терапевтичным для клиента.

Специфичной для работы с воцерковленными клиентами может стать проблема, связанная с тем, что в ряде случаев клиент находится под властью значимого авторитета (например, «духоносного старца») и на момент обращения к терапевту принадлежит дисфункциональной общине. В этой ситуации для терапевта может оказаться невозможным высказывание своей позиции, если она не совпадает с традициями общины, к которой принадлежит клиент. Работа с такими клиентами поднимает вопрос о зоне ближайшего развития в терапии, поскольку терапевт здесь, как нигде, вынужден быть недирективным и ждать, пока клиент сможет сам увидеть проблему. Иначе он рискует утратить терапевтические отношения, поскольку никакой психолог не сравнится по авторитетности с фигурой духовника, традициями церковной общины и т.п. Требуется бережная и терпеливая поддержка и без того хрупкого субъекта; терапевт во многом работает лишь «зеркалом», в котором клиент пытается разглядеть, услышать себя. Это часто действительно клиент-центрированная терапия, полная безусловно-го принятия и нейтральности терапевта, чтобы не помешать росткам субъектности в клиенте. Лишь спустя длительное время отношения, возможно, смогут возрасть в субъект-субъектные и в структуре терапевтической ситуации все полнее начнет звучать личность терапевта [Василюк 2009; Дроздов 2015].

Существуют и иные взгляды на работу с созависимостью, в частности, традиции, опирающиеся на более директивные модели терапии. Однако, на наш взгляд, директивный терапевт, хотя и может достигать значительных результатов в работе с такими клиентами (в первую очередь, на поведенческом уровне, что, безусловно, ценно, особенно в работе с аддикциями), тем не менее рискует в терапевтических отношениях воспроизводить привычные для клиента модели, не способствующие личностному развитию, взрослению и т.п. Иными словами, есть опасность, что терапевт станет еще одним авторитетом в жизненном мире клиента, которого тот будет слушаться, ждать совета и т.п., по аналогии с тем, какие отношения такой человек может иметь в дисфункциональной церковной общине и/или с духовником. Поэтому от терапевта требуется особая осторожность, чтобы выстраивать с клиентом альтернативные

отношения, хотя это может затягивать достижение явных поведенческих изменений.

2. Искажения образа Бога

А, В. Как проявляется специфика у верующих

Если проблема зависимости от авторитета сама по себе не специфична для верующих и лишь обретает особые формы, в зависимости от религиозности человека, то о проблеме искажений образа Бога, очевидно, можно говорить только в тех случаях, когда в жизненном мире субъекта в принципе присутствует фигура Бога, в данном случае — христианского Бога. Об искажениях образа Бога речь идет тогда, когда представления о Нем (часто имплицитные, мало осознаваемые) явно противоречат духу Евангелия и традиционной христианской мысли. Оставаясь в исследовательской психологической плоскости, мы не дерзаем судить об индивидуальном духовном опыте, об опыте личных отношений с Богом конкретного человека, однако можем описывать типичные представления о Боге, явно противоречащие идеям Писания и Предания и, как правило, имеющие психологическую природу.

Подлинные представления о Боге, как и о себе, редко бывают в достаточной мере отрerefлексированы. Так же как глубинные слои идентичности личности (или даже, скажем, профессиональной идентичности), как правило, мало осознанны, но при этом проявляются в жизнедеятельности и влияют на чувства, мысли, действия человека, так и представления о Боге (комплиментарные представления о себе) могут значительно различаться на декларируемом уровне и уровне поведения, автоматических мыслей, переживаний. В терапевтической практике нечасто встречаются запросы, прямо касающиеся искажений образа Бога, однако эта тема может возникать, когда клиент косвенно проявляет данные искажения. Например, в терапии могут возникать темы страха наказания, желания быть хорошим, переживания, что я недостаточно хорош, чтобы обращаться к Богу, или что Богу нет до меня дела; убеждения, что текущие неудачи или болезни прямо связаны с совершенными ранее «грехами», за которыми стоит невротическое чувство вины, и т.п.

Вместо евангельского образа Бога как фигуры Любви можно встретить представления о Боге, Который в первую очередь является фигурой Власти, Суда или, например, Безразличия. Такие идеи не являются чем-то уникальным, носят архитипический характер, аналоги подобных представлений можно найти в различных, порой довольно древних, философско-религиозных течениях и школах. Перечислим типичные при-

меры искажений образа Бога, наиболее часто встречающиеся в психологической практике работы с верующими.

1) *Бог — равнодушный праведник*. «*Богу нет до меня дела*» — так можно сформулировать ключевое переживание человека, который может рассуждать примерно следующим образом: «У Бога много других, гораздо более важных дел, чтобы Он еще обращал на меня внимание». Или: «До других Ему, может быть, и есть дело, но до меня нет (потому что я слишком незначим, мал или недостаточно хорош и т.п.)»; «Бог сотворил мир, но сейчас Он точно им не занимается» (как в деизме); «Нет смысла обращаться к Богу, потому что меня Он все равно не услышит» и т.д. и т.п.

Очевидно, что при подобных представлениях о Боге человек, как правило, может испытывать чувства покинутости, ненужности, беспомощности и бессилия, брошенности, собственной незначимости. Одновременно могут иметь место злость, обида на Бога, которые, будучи чувствами «непристойными», чаще всего не осознаются.

Затруднительно сделать выводы о причинно-следственных связях, о том, что первично — самоощущение или образ Бога. В ряде случаев почти уверенно можно сказать, что самоощущение первично. Например, когда человек всю жизнь с детства живет в парадигме «никому нет до меня дела», то в сознании такого человека, скорее всего, будет звучать, что «и Богу тоже нет до меня дела». Не секрет, что большинство искажений образа Бога связаны с феноменами переноса и проекций. Если в детстве на ребенка никто не обращал внимания и он привык к тому, что никому нет до него дела, то нетрудно прогнозировать, что, как минимум в начале духовного пути, образ Бога будет соответствовать личному опыту значимых отношений в прошлом. Этот механизм объясняет большинство искажений образа Бога, однако требуются дополнительные исследования, чтобы уверенно говорить, в каких случаях формируются искаженные представления и какова их природа. Объяснить все только опытом детско-родительских отношений (или отношений с отцом, как иногда делают) было бы слишком большим упрощением сложной духовно-психологической реальности.

2) *Бог — наказующий преследователь, мститель* («*Бог следит за мной и наказывает*»), *строгий Судья*. В том или ином виде элементы подобного представления о Боге встречаются достаточно часто, в том числе у давно воцерковленных людей. Возможно, популярность представлений о Боге как о фигуре Суда (обычно строгого и справедливого) связана, с одной стороны, с живым по сей день ветхозаветным способом мышления, мировосприятия, а с другой — со знакомым каждому с детства опытом оценочности, поощрений и наказаний. Системы воспитания цивилизованного мира давно во многом построены на понятной ребенку бихеви-

оральной логике: сделал хорошо — получишь поощрение (от желанного подарка до простого, но очень важного эмоционального одобрения и/или подтверждения, что ты ценен, значим, любим); сделал плохо — будешь наказан (если не лишением игрушки, то эмоциональным отвержением, осуждением или равнодушием и т.п. вплоть до послания «когда ты так делаешь, я тебя не люблю»). Идеи Суда могут также подпитываться желанием восстановления справедливости («я не могу отместить обидчику, но Бог сделает это за меня»), а также невротическим чувством вины с аутоагрессией («я виноват, меня надо наказать, Бог все видит, и Он меня накажет — восстановит справедливость»). У личностей психотического уровня функционирования (Нэнси Мак-Вильямс) подобные идеи в ряде случаев могут носить характер сверхценных или бредовых, что нередко описывается в клинике как религиозный бред с идеями вины и самонаказания [Мак-Вильямс 2001]. Однако те же суждения и, главное, мироощущение часто встречаются у психически здоровых людей (невротический уровень функционирования личности, по Н. Мак-Вильямс). Нельзя сказать, что идея Суда полностью чужда Писанию и Преданию, однако важны акценты и следствия, к которым данная идея приводит конкретного человека в жизни.

Человек с данным образом Бога нередко чувствует себя уязвимым, испытывает тревогу, а также беспомощность и бессилие, но главная эмоция, которая может влиять на поступки и определять мироощущение, — это страх. Страх ошибки, страх наказания, страх быть неидеальным, замеченным в проступке и т.п. Доминирование страхов в сочетании с низкой возможностью их рефлексии может как определять искажения образа Бога, так и влиять на мировосприятие в целом. Однако в ряде случаев возможно отсутствие связи между степенью личностной тревожности, степенью выраженности тех или иных страхов и искажениями образа Бога (в том числе и представлений о Боге как о строгом Судие).

3) *Бог — фигура Власти («реши за меня мою проблему, исправь мир»)*. Надежда, переходящая в требование, а затем, в случае неисполнения просимого, в злость и обиду на Бога; эти чувства часто не осознаются и обычно связаны с околomagическими представлениями о Боге как о всемогущем объекте, который должен исполнять все требования. Исполнять требования Он должен в связи с тем, что все может. Логика рассуждений здесь примерно такая: «Раз Он все может, то почему Он не...» Почему Он не отвечает на мои молитвы и до сих пор не дал мне мужа, почему Он допускает страдания, почему я должен это терпеть и т.д. и т.п. Такие суждения могут сочетаться с пассивной позицией, когда человек ждет чуда и считает, что все проблемы решатся сами и все само устроится. При этом такой инфантильный уход от ответственности может пере-

называться смирением и доверием Богу, и тогда речь идет о подмене. Такую подмену на первый взгляд трудно отличить от подлинного доверия Богу, которое мы встречаем в описаниях жизни святых. Как и в случае с ложным послушанием, построенным на созависимости и уходе от ответственности, порой внешне копирующим послушание из Патериков, инфантильное ожидание чуда может также походить на взрослое смиренное доверие Богу.

Почти все подмены в духовной жизни возникают на почве либо отсутствия личных отношений с Богом, либо искаженного понимания таковых. Однако это тема уже не для психологического исследования. В случае с образом Бога по типу «фигуры Власти», как и в товарно-денежных отношениях, о которых речь пойдет ниже, человеку не интересен Сам Бог, а важно то, что Он может дать. Иными словами, это есть своего рода объективация Другого, уход от субъект-субъектных отношений. Это довольно частая проблема, встречающаяся в том числе у воцерковленных людей. В случае когда акцентируется фигура Власти, у человека доминируют требования и долженствования, которые он предъявляет Богу, выделяя всемогущество как основное свойство божественного. «Если можешь, значит, должен, потому что я так хочу» — таково внутренне требование к Богу, а также, как правило, и к миру и другим людям, исходящее из часто инфантильного мироощущения («мир мне обязан» и т.п.).

В случае когда требования и долженствования предъявляются не только Другому, но и себе, могут возникать отношения не только по принципу «Ты мне обязан», но «Ты — мне, я — Тебе».

4) *Товарно-денежные отношения («Ты — мне, я — Тебе»)*. Потенциально гротескно данный тип образа Бога можно обозначить словом Взятчик, поскольку здесь Бог понимается в некотором смысле как тот, кого надо «умастить», «задобрить», принести ему пожертвование, чтобы получить просимое. Таким отношениям также не чужда некоторая степень магизма и языческого мышления. Примеры этих отношений можно найти в популярных мифах вокруг сферы церковных треб: необходимо поставить свечку перед экзаменом, а лучше несколько; заказать сорок акафистов, чтобы удачно выйти замуж; отслужить молебен с водосвятием в особо святом месте, в монастыре, а потом пить воду особым образом, чтобы... и т.п. Иными словами, некоторые элементы церковной традиции становятся самостоятельным культом, цель которого — получить просимое. Люди издревле приносили жертвы богам, и эта практика остается живой по сей день, даже в новозаветном христианстве.

Можно встретить и более тонкие варианты таких отношений, когда «я — Тебе» не свечку, а социальное служение, жертвенность и послуша-

ние (часто созависимые), не сорок акафистов, а может быть даже вечные обеты, «а Ты уж, будь добр, мне за это...»

Третий и четвертый тип искажений образа Бога весьма похожи. В отношениях доминируют требования к Другому и, как следствие, обиды, разочарование, злость. Другой понимается как объект, существующий для исполнения желаний, как средство, а не как цель. Другой интересен постольку, поскольку может давать человеку просимое, и не является ценностью сам по себе. Такие отношения нормальны для ребенка до определенного возраста, однако подобная модель поведения наблюдается и среди взрослых (по паспортному возрасту) людей.

Существует важная закономерность: как человек относится к себе, так же он будет относиться к другим людям и так же — к Богу. Т.е. модель отношений, как правило, одна и та же. Поэтому, когда имеют место то или иное искажение образа Бога и соответствующий паттерн «отношений» с Ним, то этот же паттерн обнаруживается и в отношениях с другими людьми и с собой. Когда другой человек воспринимается лишь средством и не имеет самостоятельной ценности как личность, то, как правило, за этим стоят проблемы с самооценностью, с объектным отношением к себе и одновременно подобные отношения, в частности товарно-денежные, с Богом. Для человека все является средством, а не ценностью — он сам, другие люди, Бог.

Перечень искажений образа Бога может быть продолжен и дополнен разнообразными примерами, здесь мы перечислили и лишь кратко обозначили наиболее часто встречающиеся ситуации в консультативной практике психолога в российском мегаполисе. По имеющимся у нас данным можно лишь гипотетически говорить о некоторой специфике искажений образа Бога у жителей так называемой глубинки — регионов, далеких от крупных городов. Там более выражена религиозная эклектика, когда язычество, магическое мышление и оккультные практики могут спокойно сочетаться с православной идентичностью, исполнением церковных обрядов и т.п. В этих условиях чаще будут встречаться искажения образа Бога (прямо связанные с искажениями христианской идентичности) по типу «объектного отношения», когда Бог воспринимается как магическая фигура, призванная давать желаемое и совершать чудеса.

Говоря о проблемах, связанных с искажениями образа Бога, нельзя не упомянуть проблему образа себя, идентичности, так как эти образы комплиментарны. Понимание комплиментарности образов важно для терапии, если терапевт сталкивается с несоответствием представлений клиента о Боге и о себе. Например, человек может утверждать, что он, конечно, любимый ребенок Бога, но при этом Бог, по сути, мыслится как грозный Судия. И тогда получается идентичность «любимое чадо

грозного Судии». Могут складываться и иные комбинации: «презренный раб любящего Отца» и др. Их осознание продуктивно для терапии и для прояснения реальных представлений о Боге и о себе.

С. Проблема (негативные последствия) для духовной жизни

Поскольку центром духовной жизни являются отношения с Богом, то искажения образа Бога прямо отражаются на духовной жизни, изменяя ее сердцевину. При этом образ себя так же важен, как и образ Бога, поскольку они — комплиментарная диада.

Можно сказать, что чем более искажен образ Бога, тем сложнее человеку поверить в Евангелие, принять новозаветную весть, которая противоречит собственным представлениям.

Д. Причины

Причиной многих искажений религиозного опыта является дефицит или отсутствие опыта безусловной любви. В большей степени это относится к проблемам самооценности и искажений образа Бога. Опыт детско-родительских отношений (особенно если речь идет о так называемых травмах развития) влияет на формирование образа родителя, который затем легко переносится на образ Бога. Привычная модель детско-родительских отношений переносится в духовную жизнь, в отношения с духовником, с Богом. Однако невозможно утверждать, как уже говорилось выше, что образ Бога всегда формируется под влиянием проекций и переноса, хотя их роль может быть весомой.

Склонность интерпретировать происходящее, исходя из логики текущего или хронического состояния, из логики актуального жизненного мира [Василюк 1984], также может влиять в том числе и на формирование образа Бога. Если субъект инфантильного мира живет в постоянном ощущении несправедливости и равнодушия по отношению к себе, чувствах брошенности, обиды на мир («мною не занимаются», «мне недодали», «меня обидели»), то с большой вероятностью в религиозном сознании такого человека возникают обида на Бога, переживание оставленности и т.п. Что в свою очередь может приводить к формированию образа, например, равнодушного Бога. Для субъекта реалистического жизненного мира, где в принципе доминируют, условно говоря, товарно-денежные отношения и мышление в логике «цель/задача/результат», высока вероятность формирования аналогичных отношений с Богом.

Это лишь примеры того, как психологическая реальность может влиять на религиозный опыт, но так происходит не всегда. Основой религиозного опыта являются личные отношения с Богом; отсутствие или дефицит таких отношений и подлинного религиозного переживания, формальное

воцерквление человека и принятие им правил традиции лишь как условий внешнего поведения создают почву для искажения образа Бога. Вероятно, подобный «формализм» должен преодолеваться в процессе катехизации человека, но эта тема — не предмет данной статьи.

Е. Что делать в терапии

Многие элементы идентичности человека и образа Бога плохо осознаются, поэтому важна работа, направленная как на повышение общего уровня осознанности, так и на прояснение и осознание представлений о Боге и о себе. Существенным в терапии являются опыт безусловного принятия «здесь и сейчас», а также работа с детскими травмами, проработка детско-родительских отношений и образа родителей. Возможны также практики, помогающие установлению личных отношений с Богом: совместная молитва, участие в евангельских и молитвенных группах, знакомство с реальными христианскими общинами и т.п.

Заключение

Итак, мы видим, что общие (внешкольные) принципы психотерапевтической работы, такие как важность безусловного принятия клиента, построение честных и доверительных терапевтических отношений, работа над повышением уровня осознанности, рефлексии, личности, обсуждение тем свободы и ответственности, взросления и независимости, самооценки и принятия себя и т.д., — остаются актуальными в работе с верующими клиентами. Однако часть проблем, с которыми сталкивается психолог в такой практике, имеют свою специфику, связанную, с одной стороны, с представленностью фигуры Бога в жизненном мире клиента, а с другой — с социокультурным контекстом современной церковной жизни.

В любой психотерапевтической школе существуют требования к подготовке специалистов, включающие в том числе определенное количество часов личной терапии и супервизии. Большинство психотерапевтических школ считают, что сам терапевт должен иметь клиентский опыт, пройти курс терапии, в том числе и для того, чтобы его собственные личные проблемы не закрывали видение клиента и не мешали работе. Это не означает, что терапевт должен исцелиться от всех своих трудностей и только после этого идти к клиенту. Психолог, работающий в поле личностного развития клиента, сам тоже развивается. В связи с этим к общепринятым практикам заботы о себе (личная терапия, супервизия, повышение квалификации и т.д.) верующему терапевту (приходскому консультанту) можно предложить добавить в свою жизнь осознанное использование практик, помогающих разви-

тию его собственной духовной жизни, его личных отношений с Богом. В частности, это могут быть практики молитвенного чтения Евангелия, участие в евангельских и/или молитвенных группах. Возможно, стоит поставить в профессиональном сообществе вопрос о создании форм для, условно говоря (название предварительное), *духовных супервизий/интервизий* — профессионального пространства, в котором возможно обсуждение с верующими коллегами и священниками трудностей в работе с клиентами. Пространства, в котором терапевт может получать поддержку, в том числе молитвенную, а также обсуждать вопросы, связанные с духовным измерением жизни как клиента, так и самого терапевта.

Актуальным и одновременно особенно тонким и деликатным остается вопрос о собственной духовной жизни людей, которые хотят стать христианскими психологами, приходскими консультантами и т.п., т.е. хотят работать с верующими клиентами и/или в околочерковных структурах. Эта тема с очевидностью возникает при обсуждении вопросов, связанных с подготовкой специалистов в области психотерапии.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Синергично-феноменологический подход в консультативной психологии» № 15-06-10889.

ЛИТЕРАТУРА

- Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: МГУ, 1984. 240 с.
- Василюк Ф.Е.* Модель хронотопа психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 4. С. 26—49.
- Василюк Ф.Е.* Христианская психология: «история» и «география». Статья 1. Опыт периодизации // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5. С. 49—63.
- Дроздов Д.С.* Структура психотерапевтической ситуации в православно-ориентированном подходе // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5. С. 91—106.
- Игумен Петр (Мещеринов).* Мучение любви, или... (Размышления над книгой архимандрита Лазаря (Абашидзе) «Мучение любви») // Альфа и Омега. 2006. № 1 (45). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/muchenie-lyubvi-ili-razmyshleniya-nad-knigoy-arhimandrita-lazarya-abashidze-muchenie-lyubvi/>
- Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
- Филоник М.С.* Психологический анализ феноменов искажений религиозного опыта // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5. С. 107—122.

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF RELIGIOUS EXPERIENCE DISTURBANCES: PROBLEMS WITH DEPENDENCE FROM AUTHORITY AND GOD IMAGE DISTORTIONS

M.S. FILONIK*,

federal state autonomous establishment “Federal education development institute”, Russian Association for Co-experiencing Psychotherapy, Moscow, Russia,
fpc_grant@mail.ru

Current article presents a continuation of work dedicated to the problem of religious experience distortions, with which psychotherapist encounters while working with clients who share religious views. The focus is on the phenomena of substitution, which is defined as such a distortion of religious experience, where the person perceives it for himself as normal, spiritually mature and healthy condition. The problem of codependence in the context of believer’s religious life is discussed, as well as the problem of God image distortions. Types of occurrence and negative outcomes of such problems for spiritual life of Christian are analyzed. The main causes of the discussed phenomena are pointed out. Recommendations for therapeutic work with such problems are given. Some conclusions about the preparation of Christian psychologists that work with religious clients are made.

Keywords: religious experience distortions, phenomena of substitution, psychotherapy of believers, Christian psychologist, codependency, God image distortions.

Acknowledgements

The research has been supported by a grant from the Russian Foundation for Humanities (grant № 15-06-10889 “Synergetic-Phenomenological Approache in the Consulting Psychology”).

REFERENCES

Vasiliuk F.E. Psikhologiiia perezhivaniia (analiz preodoleniia kriticheskikh situatsii). Moscow: Publ. MGU, 1984. 240 p.

For citation:

Filonik M.S. Psychological Analysis of Religious Experience Disturbances: Problems with Dependence from Authority and God Image Distortions. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 5, pp. 115–134. doi:10.17759/cpp2016240507 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Filonik Marina Sergeevna*, Federal State Autonomous Establishment “Federal Education Development Institute”, researcher; Russian Association for Co-experiencing Psychotherapy, psychotherapist, trainer, Moscow, Russia, e-mail: fpc_grant@mail.ru

- Vasiliuk F.E.* Model' khronotopa psikhoterapii. Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia. 2009. № 4. P. 26—49.
- Vasiliuk F.E.* Khristianskaia psikhologiya: “istoriia” i “geografiia”. Stat'ia 1. Opyt periodizatsii. Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia. 2015. № 5. P. 49—63.
- Drozdv D.S.* Struktura psikhoterapevticheskoi situatsii v pravoslavno-orientirovannom podkhode. Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia. 2015. № 5. P. 91—106.
- Igumen Petr (Meshcherinov).* Muchenie liubvi, ili... (Razmyshleniia nad knigoi arhimandrita Lazaria (Abashidze) “Muchenie liubvi”) // Al'fa i Omega. 2006. № 1 (45). [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pravmir.ru/muchenie-lyubvi-ili-razmyshleniya-nad-knigoy-arhimandrita-lazarya-abashidze-muchenie-lyubvi/>
- Mak-Vil'iams N.* Psikhoanaliticheskaia diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse. Per. s angl. Moscow: Nezavisimaia firma “Klass”, 2001.
- Filonik M.S.* Psikhologicheskii analiz fenomenov iskazhenii religioznogo opyta. Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia. 2015. № 5. P. 107—122.